

ГЛАВА 1

Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Я посмотрела на часы: девять часов утра. Ну, в принципе, звонок раздался не так уж и рано. По правилам приличия как раз с девяти утра можно звонить. Однако для меня девять часов утра — это рано. Естественно, только тогда, когда я, закончив очередное детективное расследование, нахожусь на отдыхе. И сейчас у меня как раз он — заслуженный период ничегонеделания.

Я потянулась и сняла трубку.

— Алло, — сказала я.

— Ну, наконец-то! — воскликнула моя подруга Ленка-француженка. — Наконец-то я тебя отловила! Ты где пропадала?

— Да я, Лен, вообще-то только-только закончила одно расследование, — ответила я на ее вопрос.

— А, ну тогда понятно. Слушай, Тань, а у меня к тебе просьба.

— Давай выкладывай, в чем она заключается.

— Понимаешь, в нашем доме меняют канализационные стояки, а я решила еще и косметический ремонт затеять. Все-таки уже много лет я ничего в этом плане не делала. Обои выцвели, да и линолеум не мешало бы обновить. Ну, так вот. Пригласила я мастеров, они посмотрели и сказали, что, прежде чем клеить обои, стены необходимо отшпаклевать, а местами и отштукатурить. И, представляешь, вчера они стены как следует ободрали, такая пыль стоит, просто ужас. Я всю ночь кашляла, наверное, аллергия. Тань, можно мне у тебя пожить несколько дней, пока они закончат?

— Господи, Лен, ну конечно! Приезжай, о чем разговор!

— Тогда я через час буду у тебя, — пообещала подруга и отключилась.

Я быстро встала с постели и прошла в ванную. Приняв контрастный душ, я растерлась махровым полотенцем, после чего занялась приготовлением завтрака.

Эх, а продуктов-то у меня кот заплакал. Но это и понятно: когда я занимаюсь расследованием, ходить по супермаркетам и рынкам времени и сил нет. Ладно, сегодня же совершу набег в какой-нибудь супермаркет и полностью заполню холодильник. Ну, а сейчас приготовлю завтрак из того, что есть.

Я пожарила яичницу из последних двух яиц и кусочка ветчины. Но превосходная арабика еще осталась, и завтрак я завершила чашечкой кофе. У меня еще осталось время протереть полы перед Ленкиным приходом.

Только я закончила влажную уборку, как в дверь позвонили.

— А вот и я, — объявила подруга, вручая мне коробку с тортом, на которой было написано «Красный бархат».

— Лен, спасибо, но...

— Ладно тебе, бери. Я знаю, что ты кофеманка, а я вот сладкоежка. И просто не могу удержаться, чтобы не купить тортик или пирожное.

Мы с Ленкой прошли на кухню. Но я только успела поставить коробку с тортом на стол, как затренькал телефон.

— Алло, — сказала я.

— Алло! Здравствуйте, мне нужна Татьяна Александровна Иванова, — произнес взволнованный мужской голос.

— Здравствуйте, это я.

— Татьяна Александровна, мне необходима ваша помощь! Дело в том, что позавчера был убит мой двоюродный брат. Пожалуйста, найдите убийцу! Я знаю, что вы профессионал высокого класса, мне вас рекомендовали. Татьяна Александровна, вся надежда только на вас!

— Подождите, — остановила я женщину, — вы же понимаете, что это не телефонный разговор. Приезжайте ко мне, вы можете сейчас подъехать?

— Ну конечно, могу!

— Вот и хорошо! Подъезжайте, по телефону такие дела не решаются.

— Да, конечно, я понимаю. Простите, я плохо сейчас соображаю, очень взволнован.

— Не волнуйтесь, а просто приезжайте. Мой адрес вы знаете? — спросила я.

— Да, у меня записано.

— Тогда жду вас, до встречи, — сказала я и отключилась.

— Тань, кто это был? — спросила Ленка, когда я вернулась на кухню. — Новый клиент? Просит взяться за расследование?

— Похоже, что так. Сказал, что убили его двоюродного брата, — объяснила я.

— Ну вот, я не вовремя к тебе нагрянула, — расстроилась подруга.

— Да все нормально, Лен, — заверила я ее. — Жаль только, что не сможем с тобой пообщаться как следует. Но ничего, вот закончу расследование, и уж тогда мы оторвемся по полной программе.

Минут через пятнадцать раздался звонок в дверь. Я открыла, на пороге стоял высокий мужчина лет сорока—сорока пяти в дорогом костюме.

— Здравствуйте. Татьяна Александровна? — спросил он.

— Да, это я.

— Я вам только что звонил, — напомнил мужчина.

— Да, проходите, пожалуйста, — пригласила я его.

Мы прошли в гостиную и расположились на диване.

— Я слушаю вас, — начала я, — простите, как к вам обращаться?

— Ох, я же не представился. Меня зовут Александр Николаевич Молоденчиков. Я живу в Москве. Два дня назад убили моего двоюродного брата, Константина Владиславовича Воротниковского, я вам уже говорил по телефону.

— Да, я помню и хочу сразу уточнить: где его убили? Здесь, в Тарасове? Или в Москве?

— Его убили здесь, в Тарасове. Я уже много лет живу и работаю в столице, а Костя здесь живет... жил, — поправился Молоденчиков и прерывисто вздохнул.

— Так, я поняла. Теперь, пожалуйста, расскажите поподробнее, как все это произошло, — попросила я.

— Мне сообщили, я приехал... понимаете, Татьяна Александровна, Косте — тридцать два года... было. Я гораздо старше его. У нас были хорошие, доверительные отно-

шения. Я опекал его на правах старшего. Костя рано лишился родителей, так получилось.

Молоденчиков замолчал.

— Продолжайте, Александр Николаевич, — сказала я.

— Да, сейчас. Так вот, Костю нашли убитым в тамбуре, прямо перед дверью его квартиры, — начал Молоденчиков.

— Кто его обнаружил? — сразу спросила я.

— Кажется, сосед... да, сосед. Это было поздно вечером. Косте нанесли ножевое ранение в область сердца... Татьяна Александровна, я вас прошу, найдите убийцу моего брата. Я знаю ваши расценки, мне сказали. Вот, возьмите аванс. — Молоденчиков вынул из борсетки купюры и положил на стол.

— Подождите, Александр Николаевич, — остановила я его. — Скажите, а что, разве полиция не ведет официальное расследование убийства?

Молоденчиков вздохнул.

— Ведет, но... Ну, вы же понимаете, что представляет собой официальное расследование, Татьяна Александровна. Мне сразу сказали, что раскрыть это преступление будет чрезвычайно трудно.

— А почему так? — удивилась я. — Они вам как-то это объяснили?

— Да, объяснили. Потому что, сказали в полиции, нет никаких улик. Отпечатков пальцев там, еще чего-то. Свидетелей убийства тоже нет.

— Но ведь вашего брата обнаружили, — возразила я. — Значит, все не так уж и безнадежно.

— Обнаружил Костю, как я уже сказал, сосед, — сказал Молоденчиков. — Но следователь отнесся к его показаниям очень и очень скептически.

— Почему же?

— Потому что этот сосед — молодой парень нетрадиционной ориентации. Как будто это так важно для следствия, как будто это что-то меняет! В общем, у меня сложилось впечатление, что расследование, если оно и будет проводиться, то с проволочками. Мне следователь так прямо и сказал, что это двести процентов «глухарь», или «висяк», или еще что-то на их полицейском жаргоне.

— Остальных соседей полиция опрашивала? — резко спросила я. В ответ на растерянный взгляд собеседника пожала плечами: — Ладно, сама выясню.

«Ну, следствие будет проводиться в любом случае, — подумала я. — А насчет проволочек... Смотря какой следователь попадет. Кстати, надо спросить Молоденчи-

кова, кто ведет расследование убийства его брата».

— Александр Николаевич, а вы знаете фамилию следователя, который ведет это дело? — спросила я.

— Да, его зовут Владимир Сергеевич Кирьянов. Так что, Татьяна Александровна, вы беретесь найти убийцу Кости? — еще раз спросил Молоденчиков. Тут я озадачилась еще больше. Чтобы под Кириным руководством — и не восприняли всерьез живого свидетеля из-за его ориентации? Хм... Ладно, и это тоже выясню.

— Подождите, Александр Николаевич, — остановила я мужчину. — Скажите, а чем занимался ваш брат? Где он работал? Прежде чем дать согласие на расследование какого-либо преступления, мне обязательно нужно выяснить все подробности.

— Видите ли, Татьяна Александровна, я и сам толком не знаю, чем конкретно занимался мой брат. Костя всегда был человеком довольно скрытным по натуре, он не любил слишком много о себе говорить. Я знаю только то, что в последнее время Костя стал представителем владельца столичного строительного холдинга.

— А более конкретно можно? — попросила я.

— Ну, если в общих чертах, то Костя выполнял различные поручения этого владельца в Тарасове и по области.

— А имя этого владельца вы знаете? — спросила я.

— Нет, к сожалению. — Молоденчиков покачал головой. — Когда Костя останавливался у меня в Москве, я пытался выяснить у него, кто же все-таки этот предприниматель, на кого он будет работать. Но все тщетно. Костя уводил разговор в сторону, и я так ничего и не узнал.

— Понятно. А чем ваш брат занимался до того, как устроился на должность представителя московской компании? — спросила я.

— Костя работал менеджером в какой-то местной фирме, точно не могу сказать, в какой именно.

— Еще один вопрос. Ваш брат был женат? Дети у него есть? — спросила я.

— Нет, официально Костя не был женат, но, я думаю, женщины у него были. А вот детей, насколько мне известно, у Кости не было.

— Скажите, вы уже побывали на квартире вашего брата? — спросила я.

— Да, конечно. Мне дали разрешение в полиции — они уже все там осмотрели.

— Как она выглядела? Я имею в виду, был ли там беспорядок, все ли вещи были на месте? Может быть, что-то пропало?

— Да, беспорядок был. У меня сложилось такое впечатление, как будто там что-то искали. Вещи разбросаны, книги свалены как попало. Вы спросили насчет того, пропало ли что-нибудь из вещей? Ну, тут я ничего не могу сказать определенно. Я же не знаю точно, что у Кости находилось в квартире, мы ведь жили отдельно, в разных городах к тому же. Возможно, что-то и пропало. Но утверждать я ничего не могу.

— Но у вас сложилось впечатление, что беспорядок связан с тем, что в квартире что-то искали? — уточнила я.

— Да, пожалуй, что так, — подтвердил Молоденчиков.

«А не могла ли это быть имитация поисков? — подумала я. — Возможно, кому-то очень надо было, чтобы следствие поверило в убийство на почве ограбления».

— Хорошо, Александр Николаевич, я возьмусь за расследование убийства вашего брата, — сказала я, — давайте мы сейчас с вами составим договор.

Молоденчиков подписал бумаги, мы обменялись телефонами, и мужчина ушел.

■ Из спальни вышла Ленка.

— Тань, ну что? Ты пообещала ему, что будешь расследовать это дело? — спросила подруга.

— Да, Лен. Хотя я только что закончила одно расследование и уже настроилась на отдых, но... Как говорится, надо ковать железо, пока горячо. Еще неизвестно, когда подвернется новый клиент. Иногда приходится ждать довольно долго, и это напрягает.

— Ты знаешь, Тань, а я, если честно, немного завидую тебе, — смущенно призналась Ленка. — У тебя такая насыщенная жизнь: расследования, преследования... что там еще?

— А еще, Лен, там бессонные ночи где-нибудь в засаде, рукопашка, стрельба. Как тебе такое? Впечатляет? — с некоторой долей иронии спросила я.

— А ты знаешь, да! Впечатляет! Не то что у меня: полон класс архаровцев. Тань, возьми меня как-нибудь на свое расследование, — попросила подруга. — Ну, пожалуйста, ну что тебе стоит?

Ленка буквально превратилась в капризного ребенка, который клянчит конфетку или игрушку.

— Ладно, как-нибудь возьму, — пообещала я, чтобы успокоить ее, — а сейчас, Лен, извини, но я буду собираться. Мне на-

до будет наведаться в полицейское управление.

— Да, конечно, Тань. Делай, что тебе надо.

— Лен, я оставлю тебе ключи от квартиры. Вот, держи. Я буду приходить довольно поздно. А возможно даже, что иногда и совсем не появлюсь, — объяснила я. — Это уж как сложится.

— Да, Тань, я все поняла. Удачи тебе, — пожелала мне Ленка.

Я прошла в спальню, открыла один из ящичков тумбочки и достала черный бархатный мешочек с додекаэдрами. Уже давно я взяла себе за правило советоваться с гадальными костями перед тем, как взяться за очередное расследование.

Я сосредоточилась и мысленно задала вопрос: чего мне ждать? После этого я вынула додекаэдры из мешочка, некоторое время подержала их на ладони, а затем метнула на верхнюю часть тумбочки.

Комбинация из чисел означала, что мне будет сопутствовать удача. Ну, что же. Будем считать, что додекаэдры меня благословили. Пора собираться к Володке Кирьянову, моему институтскому другу. Надо все-таки предварительно позвонить ему и узнать, на месте ли он, поскольку полковника часто вызывают по разным делам.

Я набрала Владимира.

— Алло, Володь, — сказала я в трубку.

— О, Таня, это ты? — отозвался Кирьянов.

— Она самая, — подтвердила я и, чтобы сразу приступить к делу, спросила: — Слушай, Володь, кто ведет дело об убийстве Константина Воротниковского?

— А ты что, занимаешься этим делом? — в свою очередь спросил Владимир.

— Да вот, утром пришел его двоюродный брат, сказал, что это стопроцентный «глухарь», так ему объяснили в полиции, — сказала я.

— Да... Понимаешь, Тань, следов и улик и в самом деле практически никаких нет, — подтвердил Кирьянов. — Так что...

— Слушай, Володь, давай я к тебе сейчас подъеду и ознакомлюсь с тем, что уже известно следствию. Потому что брат убитого рассказал мне об убийстве только в общих чертах.

— Давай, Тань, приезжай, жду, — сказал Кирьянов и отключился.

Я надела джинсы и легкий пуловер, затем причесалась и, скрутив волосы в жгут, уложила их на затылке. Взяв сумку, я спустилась вниз и направилась к своей машине. Уже минут через десять я припарковалась около городского управления полиции.

Я подошла к двери кабинета Кирьянова и постучала.

— Войдите, — сказал Владимир.

В кабинете, кроме полковника, находился еще один человек. Насколько я поняла, это был стажер. Внешне он выглядел очень молодо. Ну точно, выпускник, пришел набираться опыта.

Молодой человек сидел за столом у окна и что-то сосредоточенно набирал на клавиатуре компьютера.

— Здравствуйте, — сказала я, обращаясь к Кирьянову и парню.

— Еще раз здравствуй, — отозвался Володька, — проходи.

— Здравствуйте, — сказал молодой человек, отведя взгляд от монитора и посмотрев на меня.

В это время у Кирьянова зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал он в трубку, — да, понятно.

Владимир поднялся из-за стола.

— Слушай, Тань, меня сейчас срочно вызывают. Давай поступим так. Вот у нас тут сейчас стажирруется Валентин Валерьевич Москвитин, он, кстати, подключен к расследованию убийства Константина Воротниковского. Валентин Валерьевич, представляю вам нашего коллегу, это Татьяна Алексан-

дровна, она — частный детектив и тоже занимается этим делом. Поэтому введите Татьяну Александровну в курс дела со всеми деталями. А я сейчас вынужден вас покинуть.

Кириянов пересек кабинет, открыл дверь и вышел. Я выскочила за ним:

— Кирь, пару минут мне удели.

— Слушаю, — резко откликнулся друг.

— Говорят, вы соседа по квартире убитого всерьез не приняли. Правда, что ли?

— Тань, смеешься? — фыркнул Кириянов. — Как его можно принимать всерьез? Манерный и трепетный юноша, толком ничего не говорит, только ноет «ах как все ужасно»! Но мы его выслушали, опросили других соседей — как водится, никто ничего не видел. Сама знаешь — даже если что-то заметили, полиции сообщать опасаются. И кстати, осмотр квартиры свидетеля мы произвели — ему по всем показателям проще всего было бы грохнуть соседа. Только ни единой улики — ни ножа, ни следов крови. Чист голубок.

— Ага, — кивнула я, успокаиваясь. И впрямь, как я могла усомниться в Володьке?

— Если у тебя все, я побежал. — Кириянов махнул мне рукой на прощание и скрылся в конце коридора, а я вернулась в кабинет.

— Валентин Валерьевич, — обратилась я к стажеру, — я хочу ознакомиться с тем, что уже известно следствию по поводу убийства Константина Воротниковского.

— Сейчас, Татьяна Александровна, один момент, — кивнул Москвитин и, порывшись в стопке, лежавшей на краю стола, протянул мне тоненькую папку.

— Спасибо, — сказала я, держа папку в руках. — Только сначала расскажите, где нашли Воротниковского, каким оружием он был убит.

— Да, конечно, — с готовностью отозвался Москвитин. — Значит, так. Воротниковского обнаружили в тамбуре, перед дверью его квартиры.

— Кто обнаружил тело? — спросила я.

— Его сосед, Кирилл Андреевич Кондратьев, — ответил Москвитин. — Мы допросили его, оказалось, что он дожидался своего друга и несколько раз подходил к двери посмотреть в глазок. Сначала он увидел подозрительного мужчину в потертой куртке с заклепками, который стоял на этаже и курил. Спустя какое-то время Кондратьев услышал голоса на лестничной клетке, но затруднился определить, точно ли это был Воротниковский или же кто-то другой. Тогда он снова подошел к двери и увидел лежащего Воротниковского. Он позвонил нам. Воротников-

скому был нанесен удар в область сердца, предположительно армейским ножом. Он потерял много крови, под ним натекла целая лужа. По заключению судмедэксперта, погиб он практически сразу. Рана была единственная, но она оказалась смертельной. Это установила прибывшая на место следственная бригада. Смерть наступила практически сразу же.

— Следы борьбы были обнаружены? — спросила я.

— Нет, никаких следов. То есть у Воротниковского уже просто не было возможности бороться или как-то еще сопротивляться.

— Значит, и следов преступник тоже не оставил? Я имею в виду, отпечатков пальцев?

— Нет отпечатков, Татьяна Александровна. — Москвитин с сожалением покачал головой.

— Орудие убийства нашли? — спросила я.

— Нет, — ответил Москвитин. — Судя по всему, преступник унес его с собой.

— Версия ограбления подходит?

— Нет, деньги не взяли, кредитки на месте. Дорогие часы тоже не сняли. На ограбление не тянет, — ответил Москвитин.

— Квартиру Воротниковского осматривали? — задала я стажеру следующий вопрос. ■

— Да, конечно. Во-первых, она была вскрыта.

— Вот как? — удивилась я. — Получается, что преступник не нашел ключей от квартиры?

— Да, получается, что так. В карманах у Воротниковского ключей не было. Не было их также и в борсетке.

— Так, а что было в квартире? — спросила я.

— Там был беспорядок, все вещи свалены в одну кучу. Возможно, что-то искали, — высказал предположение Москвитин.

— Ценные вещи остались на месте? — продолжала уточнять я.

— Ну, Воротниковский жил один. У кого можно было спросить, что взяли из ценных вещей? Его двоюродный брат, который приехал из Москвы, тоже не в курсе. Так что... — Москвитин пожал плечами.

— Сосед слышал какие-нибудь шумы из квартиры Воротниковского?

— Нет, ничего не слышал. Прихожки же стенами не соприкасаются, а он караулил своего гостя.

— Какое время прошло между появлением мужика в кожанке и звонком в полицию?

— По словам Кондратьева, минут пятнадцать-двадцать. Он посматривал на часы, ■ потому что его друг запаздывал.

— Значит, получается, что ценные вещи на самом убитом остались нетронутыми, в квартиру полезли с неизвестной целью. Никто ничего не слышал. Взяли ли что-то ценное из квартиры, тоже пока под вопросом?

Москвитин кивнул.

— Кстати, был поздний вечер, так? Большинство сидит по домам. Остальных соседей опрашивали?

Москвитин чуть смутился:

— Никто ничего не видел.

То есть опрашивали, но не сказать чтобы особо азартно.

— В доме есть консьерж? Стоят видеокамеры?

Он помотал головой, с неприкрытым восхищением глядя на меня. Да, я давно привыкла: мужики считают, что красивая женщина по определению или глупая, или стерва. И регулярно рву шаблоны восприятия...

Ладно, посмотрим заведенное уголовное дело.

Я раскрыла папку. На глаза мне сразу попала посмертная фотография Воротниковского. Бледное лицо, обрамленное темными, слипшимися от крови волосами, очень похожее на восковую маску. Видимо, крови и впрямь было много. Или он упал так не-

удачно? Выражение лица такое, как будто бы покойник чему-то удивился.

Я перелистала несколько страниц.

«Воротниковский Константин Владиславович, 1989 года рождения. Место рождения — город Тарасов. Образование — высшее, окончил Тарасовский технический университет... Был обнаружен около своей квартиры. Звонок в полицию поступил в 01.04 ночи. Тело обнаружено соседом ориентировочно в 1.00 ночи. Был одет в костюм серый в полоску. В левом кармане пиджака находился паспорт, в правом кармане обнаружен бумажник, в нем — кредитные карточки, десять тысяч рублей и две тысячи долларов... Заключение судмедэкспертизы: смерть наступила в результате проникающего ножевого ранения в область сердца. В крови найдены следы алкоголя. На месте преступления отпечатки пальцев не обнаружены. Свидетели не обнаружены».

Я закрыла папку.

— Да, негусто. Валентин Валерьевич, а что, у вас до сих пор нет подозреваемых? — спросила я.

— Есть, Татьяна Александровна! — воскликнул стажер. — Подозреваемого мы уже нашли! И, кстати, он уже квалифицируется не как подозреваемый.

М. Серова

■ — Вот как? — удивилась я.

— Да, это убийца. Практически преступление уже раскрыто! — радостно сообщил он.

— Вот с этого момента будьте добры поподробнее, — попросила я.

— Конечно, Татьяна Александровна, — с готовностью откликнулся Москвитин. — Значит, так. Мы, конечно, всегда держим связь с районным отделом полиции. А у них возникло предположение насчет того, кто может быть преступником. Значит, вычислили они, что здесь замешан один тип, Шелухин Михаил Алексеевич, по кличке Миха. Свидетели утверждают, что он часто вертелся около того дома, где жил Воротниковский. Этот Шелухин вышел после отсидки и опять взялся за старое: наркоту толкает, подворовывает, еще какой-то мелочовкой промышляет. И, кстати, живет он совсем недалеко от дома Воротниковского, вот!

Стажер торжествующе посмотрел на меня.

— Ну, и о чем это говорит? Где улики, доказательства? Где, наконец, мотив убийства? — спросила я. — Пусть у этого Шелухина была отсидка и сейчас он ведет образ жизни, далекий от правильного, все равно — это только слова. А то обстоятельство, что он живет недалеко от дома Воротниковского, ну, уж извините, но этот факт никак ■

не может являться доказательством его виновности.

— Татьяна Александровна! — воскликнул Валентин. — Да вы бы только видели его квартиру! Настоящий шалман! Мебель и мебелью-то назвать нельзя, какие-то колченогие табуретки, из допотопного дивана торчат пружины, все остальное — тоже сплошной хлам. Штукатурка кусками отваливается. Вся кухня уставлена пустыми бутылками из-под водки и пива. Но это еще цветочки! Там и наркоты было порядочно, потом нашли «ТТ» с патронами к нему. А вы знаете, как брали этого Миху? Участковый Пустельников чуть было пулю не схлопотал, едва жив остался! Этот Шелухин, паразит, так отстреливался! Он вообще-то к тому же и психом оказался! Просто чумовой! Хотя нас в районном отделе и предупредили, что он непредсказуемый, что от него всего можно ожидать, но то, что произошло при задержании, просто ни в какие рамки не укладывается. Ну, вот сами посудите. Ему звонят в дверь, вежливо просят открыть. Участковый с группой был, говорит ему через дверь: «Михаил, открой дверь, разговор есть». Так этот отмороженный как начал палить из обрезка! Хорошо, что Пустельников успел отскочить в сторону, иначе бы ему конец точно бы пришел. А ведь, Татьяна Алек-

сандровна, это он, Пустельников, вычислил убийцу.

— Да? И каким же образом? — спросила я.

— Ну, он же знает, кто у него числится в неблагонадежных. Вот он и стал ходить по адресам и узнал, кто в ту ночь находился в подъезде, где жил Воротниковский. Он сначала сам поговорил с этим Шелухиным, а потом нам сообщил. Сказал, что Шелухин очень подозрительно вел себя во время разговора. Да точно, это он! Ему человека убить — как комара прихлопнуть. Он во время задержания был просто невменяемый, готов был каждого растерзать, как зверь!

— Каким образом они выяснили, что именно он убийца? — недоуменно спросила я. — Он признался? — Нет, конечно, наши стражи порядка проявляют бдительность и рвение — с этим не поспоришь. И вполне возможно, что они заподозрили мужика с суровым послужным списком в местах не столь отдаленных. Но для того, чтобы предъявить ему обвинение в убийстве... нужны более веские доводы, нежели «ошивался у дома». И даже «стрелял по полицейским». В деле ни слова об этом нет. К тому же убить из огнестрельного оружия проще, чем ножом в сердце. В сердце попасть, могу я вам сказать, вообще непросто. Чуть в сторону — и мышеч-

ный корсет или ребра и вместо убийства поверхностное ранение.

— Нет, не признался.

— Может быть, у него нашли армейский нож? Нет, я, конечно, могу согласиться с вами в том, что этот Шелухин мог убить Воротниковского, — сказала я, выслушав весьма эмоциональный рассказ Москвитина. — Но опять-таки стопроцентно не доказано, что убил именно он. Да, кстати, а вы обнаружили в квартире Шелухина хоть что-то, что имеет отношение к совершенному, как вы утверждаете, именно им преступлению? Я имею в виду, какие-то личные вещи, принадлежащие Воротниковскому. Или перчатки, в которых был преступник. Кстати, по предположениям следствия, он был в перчатках или стер за собой следы? Ведь, если следы, в смысле отпечатки пальцев, так и не были обнаружены, то Шелухин должен был натянуть перчатки перед тем, как зарезать жертву. Но, вы знаете, мне как-то с трудом верится, а если честно, то совсем не верится в то, что наркоман будет возиться с перчатками. В его обкуренную голову такая мысль не придет однозначно.

— Татьяна Александровна! Нашли мы вещественное доказательство того, что убийство Воротниковского — это дело рук проклятого нарика Михи! — воскликнул Мо-

сквитин. — Мы нашли его старую вытертую куртку с заклепками. И на ней, похоже, есть следы крови. Экспертиза сейчас выясняет. А сосед, который обнаружил убитого, сказал, что как раз в такой куртке с заклепками какой-то мужик торчал около двери Воротниковского. Вот с другими вещами дело хуже обстоит. В его берлоге практически никаких вещей нет. Но куртка-то есть!

— Но вы же понимаете, что на одной только куртке доказательную базу не построишь? — Я внимательно посмотрела на него. — И вы не ответили: что там с отпечатками?

— Воротниковского, его соседа Кондратьева — в тамбуре. Только Воротниковского — в квартире. И все.

— Значит, предположительно, преступник был в перчатках, — заметила я. — Перчатки у Шелухина обнаружены? Или это все доказательства, которые можно ему предъявить?

— Перчаток нет... — задумчиво пробормотал парень. И добавил более воодушевленно: — Да будут еще доказательства, Татьяна Александровна, будут! Наркоманы, они же непредсказуемые. Вот, допустим, сказал что-нибудь Воротниковский Михе или посмотрел как-то неодобрительно — ну, и все! Тот сразу за нож и схватился. И никакого повода ■